

Е. ЕРМАК

Кто убил нашу консьержку?

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Е. Ермак

Кто убил нашу консьержку?
Детективный роман

«Издательские решения»

Ермак Е.

Кто убил нашу консьержку? Детективный роман / Е. Ермак —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859165-5

Представьте себе, что рядом с Вами произошло убийство. Такое событие наводит ужас на всех, кто имеет хотя бы отдаленное отношение к убитому. А если пострадала консьержка Вашего подъезда? Спокойно ли Вы будете возвращаться с работы поздним вечером, заходить в родной дом и ожидать лифта? Сумеете ли неторопливо нажать на кнопку с цифрой своего этажа, выкинув из головы мысли о случившемся совсем недавно и прямо вот здесь? Кира взялась найти убийцу своей доброй знакомой, которая работала консьержкой.

ISBN 978-5-44-859165-5

© Ермак Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кто убил нашу консьержку? Детективный роман

Е. Ермак

© Е. Ермак, 2018

ISBN 978-5-4485-9165-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Вот и пришло такое время, когда люди перестали стыдиться быть богатыми. Наоборот, теперь можно и нужно пускать пыль в глаза, казаться обеспеченнее, чем есть на самом деле. Удовлетворяя спрос на показную роскошь, кто-то делает себе состояние. А невинный обыватель вынужден за это платить, обязан приобретать навязанную услугу просто потому, что она автоматически включена в стоимость.

Некоторым, например, ни к чему дорогостоящая упаковка для цветов, для крема, для пирожных, а в простой оберточной бумаге они нынче не продаются. Другим ни к чему дополнительные опции в телефоне, а без них трудно найти сейчас мобильный аппарат. Кому-то не нужна консержка в доме, но без нее уже не бывает хорошего жилья, почти не бывает...

Мало-мальски новые и современной планировки квартиры обязательно находятся в доме, где предусмотрена работа консержки. Собственники жилья, конечно, могут отказаться от такой услуги, но на деле, никто не отказывается. Только каждый месяц рассматривая платежную квитанцию, многие жильцы пытаются понять, из чего складывается такая внушительная сумма.

Как-то раньше жили без консержек? Понятно, что с ними удобнее, но стоит ли это таких денег? Уж не настолько элитное у нас жилье, чтобы оплачивать лишние расходы.

«Какая удача для тети Раи! Она живет и работает в одном месте», – рассуждала Кира, трясясь вторые сутки в липком плацкартном вагоне, – «и до моря ей всего пара часов, а не как мне – пару суток».

Заканчивался июнь. На подходе был самый жаркий месяц года. Кира ехала на юг, и грезил о тех минутах, когда она с разбегу окунется в щедрые прохладой волны моря. Ни тени беспокойства, ни холодка предчувствия девушка не ощущала, а ведь еще считала себя барышней с интуицией. От своей поездки она ожидала только приятные эмоции... Как же она ошибалась!

Кира – студентка, лишних денег нет, и очень удачно, что она может остановиться у знакомой.

До моря далековато, но зато проживание бесплатное. Тетя Рая, Раиса Семеновна, была подругой матери Киры. Женщина одинокая, на пенсии, работала в своем же доме консержкой.

Дом новый и добротный, напротив него стоит такой же 14-ти этажный брат-близнец. Объединены они большой площадкой, где уйма горок и качелей для малышей, скамейки и тренажеры для взрослых, клумбы с цветами, дорожки для неспешной прогулки с деревьями по бокам, футбольное поле с резиновым покрытием.

Рядом с площадкой большая асфальтированная стоянка для машин, где каждый вечер происходит маленькая война между автовладельцами за удобный выезд утром. И все эти уголки окружены высоким железным забором с автоматическими воротами и калитками, и даже с маленьким домиком для охранника.

Раисе Семеновне повезло работать в своем же доме, уж больно дорогие оказались здесь коммунальные услуги, а пенсия – невелика.

Когда она покупала тут квартиру, их жилищная компания имела более скромные аппетиты. Это позже заговорили о стоянке, детской площадке и консержах. Если есть люди, которые заплатят, значит, надо обеспечить им максимальный комфорт.

На первых этажах каждого из двух подъездов в домах организовали комнаты для консержек. В них санузел, стул, конторка с отчетными журналами, которые должны ежедневно вестись, диванчик, панель с кнопками связи с охраной, кнопками автоматических дверей и ещё разными приспособлениями, которые Раисе Семеновне пришлось освоить на старости лет.

В молодости Раиса Семеновна работала буфетчицей, а по совместительству и поварихой, в вагоне-ресторане поезда. Наездила на всю жизнь. Теперь же дальше своего двора она редко

куда выходила, и ее это более чем устраивало. Раисе Семеновне было уютно и в своей квартирке и на работе, до которой она добиралась на лифте, спускаясь с третьего этажа на первый.

Жильцы дома и управляющая компания снабдили ее рабочее место новеньким стулом на колёсиках, премиленькой удобной кушеткой и другими необходимыми предметами обихода с тем, чтобы консерж исполнял свои обязанности, не отвлекаясь на мелочи.

А обязанностей у Раисы Семеновны немало. По договору с управляющей компанией она должна знать всех жильцов дома в лицо, вести журналы посещения различных бытовых служб, следить за порядком на прилегающей территории, быть приветливой и ещё пунктов целый вагон и маленькая тележка. Раиса Семеновна женщина разговорчивая, ей нравится ее теперешняя работа, наполненная общением с людьми.

В молодости она с удовольствием отправлялась в рейс, обслуживая пассажиров в вагоне-ресторане. Там она и познакомилась с матерью Киры. Женщины подружились, часто переписывались и останавливались друг у друга, если оказывались поблизости. Хотя были они совсем разные. Мать Киры замкнутая, молчаливая, всю жизнь проработала инженером на одном заводе, очень умная и интеллигентная особа.

А Раисе Семеновне достался легкий, веселый нрав. Общаясь с другими людьми, она будто заряжалась энергией. Женщина считала, что смысл беседы не в теме обсуждения, а в обмене эмоциями, смысл не в словах, а в самом звучании голоса, мимике, жестах. Ей было интересно не только со взрослыми, но и с малышами, которые еще даже не понимают речь, а только тон. Беззубый малыш будил в сердце нежность, которую нельзя передать сухими словами.

Раиса Семеновна давно звала в гости дочку подруги Киру. Но у молодой девушки всегда были занятия важнее. Окончание школы, поступление в юридическую академию, первая любовь. Только в этом году, наконец, их планы совпали, и Кира начала собирать чемодан.

– Я должна предупредить тебя, Рая, – Кирина мать понизила голос и вышла с телефоном в другую комнату, – будь с девочкой помягче, она только рассталась со своим ухажером.

– Конечно, дорогая, – заверила ее Раиса Семеновна, – а я-то всё удивлялась, с чего бы Кира решила-таки заглянуть в наши края.

– Да, Рая, думаю, причина в ее расставании с молодым человеком.

Кирина мать наблюдала за сборами дочки, сильно сомневаясь в том, что они вдвоем сумеют дотащить неподъемный чемодан хотя бы до такси.

– Ты уверена, что будешь там заниматься?

– Наверяд ли, мама, – Кира пыталась втиснуть в боковое отделение чемодана учебник по уголовному праву.

– Так зачем ты берешь эти книги? – удивилась мать.

– Никогда не знаешь, что может пригодиться, – вымученно улыбнулась дочь.

В последнее время Кира сама себя не понимала. Разлука с Владом далась ей нелегко, хотелось отвлечься, заполнить сознание чем-то новым, пусть даже этой поездкой.

Оставшиеся дни перед путешествием тянулись с черепашьей скоростью. Кира с тоской глядела на календарь, всякий прошедший день жирно закрашивая черным маркером. Но вот ожидание закончилось, мать проводила ее на вокзал, и Кира отправилась в путь.

В плацкартном вагоне ей досталась верхняя полка, на нижних полках расположилась среднего возраста супружеская пара.

«Видно, давно в браке, даже не общаются друг с другом, только кушают вместе, а так – как чужие», – думала Кира, – «и куда девается любовь? А я глупая совсем расклеилась. Кто сказал, что у нас с Владом было бы по-другому? С трудом верится в то, что этот мужчина и эта женщина когда-то любили друг друга...».

Кира после долгих ожесточенных споров с Владом, экзаменов в академии и тягостных раздумий наконец-то ощущала спокойствие и отрешенность. Но длилось это состояние недолго. К вечеру первого дня поездки соседняя верхняя полка была занята.

На одной из станций вошел юноша, одетый в черную рубашку и темные брюки. Несмотря на жару, на ногах его красовались высокие зашнурованные ботинки, скорее даже сапоги. Не успев толком расположиться на своей полке, парень пустился в беседу. Он быстро смекнул, что на нижних полках люди серьезные и взрослые, слушать его не будут, поэтому он обратился со своими речами к Кире. Юноша достал из недр своего рюкзака толстую тетрадь и начал зачитывать свои стихи.

В лице Киры, как ему показалось, он нашел терпеливого слушателя. А Кира с тоской смотрела на мелькающий пейзаж за окном, отстраненно думая о том, какой же юноша этот самонадеянный и неделикатный! Неужели он сам не понимает, что нельзя навязывать свое творчество незнакомым людям.

Ей было неловко остановить поток его стихов, и своим равнодушным видом она пыталась показать, что ей неинтересны его неумелые рифмы. Всё было напрасно, парень читал и читал, пока Кира не заснула под монотонные складные звуки. Ей снился сон. Она едет в этом поезде не сутки, а уже целый год, и эти муж с женой, даже этот надоедливый парень стали ей как родные. Она с ними делит стол, рассказывает о своих мечтах и планах. Они очень сдружились, будто семья. Вот они стоят в тамбуре и весело над чем-то хохочут. Но их смех прерывается, неожиданно они отлетают в другую часть тамбура. Парень бьется виском о поручень, и из раны вытекает тоненькая красная струйка, слишком яркая для мертвенно белой кожи. Женщина визжит, колеса поезда оглушительно скрежещут о рельсы, вагон кувыркается в воздухе, кругом крики, паника и смерть. Кира в ужасе просыпается от собственного чуть слышного стога.

На перроне было немного народа. В основном, встречающие поезд столпились в самом здании вокзала, укрываясь от палящего солнца. В здании прохладно, все сидячие места заняты. Раиса Семеновна прислонилась к гладкой колонне. Она напряженно всматривалась в лица пассажиров, пытаясь вовремя узнать и не пропустить Киру. Хотя подруга регулярно высылала фото дочери, вживую Раиса Семеновна не видела девушку лет пять. Неудивительно, что она нервничала.

А Кира в этот момент в который раз жалела об отсутствии колесиков у своего огромного чемодана. Хорошо, парень из поезда помог ей вытащить ее тяжелую ношу. Не зря Кира слушала его стихи.

«Я уже и забыла, какие в этих краях низенькие платформы!». Кира спрыгнула с последней подножки на асфальт и, распрощавшись с поэтом, позвонила на мобильный Раисы Семеновны.

– Тетя Рая, я прибыла, на мне красный сарафан, через минуту войду в центральный вход.

– Привет, Кирочка, не спеши, я иду тебе навстречу.

– Тетя Рая, да я вас вижу, не бегите! – от взгляда на семенящую к ней женщину у Киры тут же поднялось настроение.

Раиса Семеновна была невысокой, даже, можно сказать, миниатюрной. Короткая стрижка, каштановые мягкие волосы – время будто забыло о своих обязанностях серебрить локоны и приглушать блеск в глазах. Лицо улыбочное, доброе. Кожа чуть смуглая и гладкая, морщинок совсем немного, и то наверняка все от смеха. Нет на лбу характерной вертикальной черты, что разделяет брови и говорит о недовольстве собой или жизнью.

– Привет, мое солнышко, а ты как вытянулась! И бледная какая! Зато веснушек-то, веснушек! Больше не замазываешь? – лукаво улыбнулась Раиса Семеновна, крепко обнимая девушку.

– Ну что вы! Это все чепуха! Теперь даже модно их иметь, это ж редкость!

Кира деликатно высвободилась от объятий, чтобы не обидеть тетю Раю. Она не привыкла еще к ней так сильно, чтобы обниматься, как принято на юге – от всей души будто самого родного и любимого, а на деле, возможно, просто шапочного знакомого.

В автобусе, несмотря на раннее утро, темные сидения были горячими как сковородка. Сарафан миглом облепил тело Киры, и она с беспокойством думала, как придется оттирать его от себя, когда она будет выходить. Но скоро девушка забыла об этом. За окном проплывал изменившийся и разросшийся южный город. Появилось много высоких домов, торговых центров за те пять лет, что она здесь не была. Дороги были забиты машинами, люди спешили на работу, и не верилось, что рядом с этим современным мегаполисом есть прекрасное и вечное море, песок и отдыхающие. Только солнце было неизменным в этом краю, и оно жарило и жарило, не щадя никого.

Кира вначале пыталась обмахиваться веером, но потом поняла бесполезность своих действий. Только рука устает, а прохлады – ноль.

– Детка, намочи вот из бутылки лицо и шею, ты еще не привыкла к нашему климату, потерпи, – сочувственно произнесла Раиса Семеновна, протягивая Кире бутылку.

– Тяжко, тетя Рая, и как вы здесь живёте! Я никогда к этому не привыкну!

– Верно! Некоторые и не привыкают, – улыбнулась Раиса Семеновна, – как мама?

Так, в разговорах незаметно они доехали до нужной остановки. Кира рассказала тете Рае, как поживает мать, поделилась с ней своими планами на это лето. И уже казалось, что расстались Раиса Семеновна с Кирой только вчера. Им было легко и весело разговаривать. Разница в возрасте не чувствовалась совсем.

Кира вспомнила, почему она всегда раньше любила бывать у тети Раи. Тетя Рая умела слушать. Раисе Семеновне можно было рассказать всё. Ее талант слушателя состоял в том, что она не давала никаких оценок ни говорившему, ни тому, о ком рассказывали. Только если ее просили высказать свое мнение, она могла это сделать. Причем объяснить свою позицию настолько тактично, никого не обижая, будто наблюдая за жизнью в стороне, не участвуя в ней и не имея личных интересов. Может быть, именно это сделало ее любимицей и доверенным лицом многих жильцов ее подъезда.

Редкий день проходил без сборища у ее окошка на первом этаже или во дворе. Всякий шел к ней, едва завидев её невысокую фигурку и задорное выражение на лице. Радости и печали – всё она безмолвно принимала, выслушивала и заранее прощала.

Иногда, ворочаясь без сна, уже под утро она думала о нём, перебирала события, будто фишки лото. Ведь в первый же день знакомства было понятно: он ненадежный, от него веет бедой. Именно это влекло ее, не давало покоя. Хотелось снова и снова смотреть на его резко очерченный профиль, с крупным красивым носом и полными изогнутыми губами. А ведь еще она где-то читала, якобы полные губы у добрых людей. Но ласковых слов, произносимых его капризным ртом, она не помнит. Зато помнит жестокие. Она его любила и ждала все те долгие годы. Думала, когда он вернется, она отогреет его, и жизнь их изменится. Только он сгинул там, где был. А ее жизнь не изменится уже никогда. Одиночество и воспоминания остались ей. Она уже немолода и ей хочется поделиться с кем-то своим накопленным опытом. Ее распирает изнутри желание научить и наставить. Хорошо, работа позволяет видеть многих людей и общаться с ними.

Нельзя сказать, что к ней особо прислушиваются, но из уважения к возрасту люди останавливаются и делают вид, что внимают ее речам. Особенно молодежь или замученные бытом и привыкшие к не прошенным советам юные мамочки. Уж они-то обязательно выслушают и сделают вид, что им необходимы ее знания. А ей и не важно: лишь бы высказаться, произнести вслух любые слова, не те даже, что застыли на губах и не дают покоя душе.

Когда Кира увидела двор, в который привела ее Раиса Семеновна, приятному удивлению ее не было предела.

– Боже, как у вас здесь уютно и просторно, королевский двор и дома знатные! В каком же из них вы обитаете?

– Деточка, у нас здесь красиво, но и дорого. Двор содержат в порядке за счет жильцов. Видишь, и за покрытием на площадке надо следить. И за цветами ухаживать, деревца подстригать, мусор убирать.

– Надеюсь, это не на тебе всё висит?

– Ну что ты! – успокоила Рая Семеновна, – мне бы свои дела успевать делать.

Они пересекали залитый солнцем двор, здоровались с родительницами, что в этот час выгуливали своих ребятишек. Детишки всех возрастов! Тут тебе и мамаша с крохотным малышом в слинге – непонятно, где его туловище заканчивается и начинается мамино. Вон на качелях раскачиваются близняшки, девчонки лет пяти. А на высокой многоуровневой горке целый отряд мальчишек играет в салочки. Бегают взмыленные, с мокрыми волосами, щеки пунцовые от жара! И откуда столько энергии!

Вот подростки-девчонки в сторонке стоят, вроде и побегать охота, а прическу жаль растрепать и босоножки на каблучках. Кира невольно обратила внимание на одну молодую мамашу, уж больно напряженно и напоказ та излучала радость жизни и материнства. Женщина лет 30, блондинка с симпатичным лицом и бледно-голубыми глазами. Одета она была в тщательно отутюженное летнее платье, малыш ее – мальчик лет двух тоже щеголял в опрятных коротких шортиках и белоснежной футболке. Мать пыталась одеть на сорванца панамку, которую он всякий раз настойчиво снимал и кидал на зеленое резиновое покрытие площадки. Мама нутно улыбалась и в сотый раз поднимала головной убор сына. В какой-то момент, нервы ее окончательно сдали и она, резко схватив отпрыска, потащила его в тень под крышу, где располагались уличные тренажеры для взрослых.

Глядя на эту сценку, Кира подумала, что и ее не минует сия чаша, когда терпение оставляет даже самую спокойную мать. Но, слава богу, всё это будет позже, когда-то в далеком «через несколько лет».

Тетю Раю узнавали, спрашивали, что за спутница с ней. Она останавливалась, знакомила Киру.

– Тетя Рая, ну, у вас тут прямо клуб загородный какой-то, все друг дружку знают.

– Тебе, конечно, непривычно... Знаю я ваши дворы и подъезды, сама там жила долго. Серые дни без солнца, сырость, слякоть, человек не знает, как выглядит его сосед, – Раиса Семеновна покосилась на Киру, – ты извини, я что-то разговорила, не в обиду.

– Да всё правда, тетя Рая, так оно и есть. У вас на юге другой ритм жизни. Здесь сложно, наверное, утаить что-то.

– В нашем доме много приезжих. И с севера есть. Намерзлились люди, денег накопили, теперь на старости лет греются.

– Зато тетя Рая у нас зима есть! Настоящая, снежная!

– Это верно, в этом году у нас тут два дня снег лежал, к вечеру второго детишки растащили всё! – засмеялась Раиса Семеновна.

Они дошли до спасительного тенька, что отбрасывал козырек над крыльцом подъезда. Кира склонилась над розами, растущими у края асфальтовой дорожки, и вдохнула их аромат:

– Ух-ты, я и вправду на юге! Пахнут!

– Ты молодец, что приехала, тебе понравится.

Тетя Рая приставила магнитный диск к домофону, запищал разрешающий вход сигнал, и женщины вошли в прохладный подъезд. Он был просторным, с полом, покрытым светло-коричневыми крупными плитками. По углам стояли изогнутые металлические держатели для цветочных горшков. Некоторые цветы Кира с трудом узнала, они были непривычно мяси-

стыми и гораздо крупнее, чем произрастали в ее малосолнечной квартире. Напротив входной двери располагалось большое стеклянное окошко, где стояла сейчас табличка с телефоном консержа.

– Ну вот, Кирочка, это моё рабочее место, возьми ключ, поезжай на третий этаж и отдохни с дороги.

– А вы когда?

– Я тут до шести буду, милая. А ты, если, что понадобится, позвони или спустить ко мне – дело одной минуты.

– Это точно, – улыбнулась Кира и нажала кнопку вызова лифта.

В подъезде было два лифта: грузовой и пассажирский. Если оба были свободны, то сначала приезжал пассажирский. Кира втащила свой чемодан и поехала на третий этаж.

На этаже располагались четыре квартиры. Девушка подошла к боковой двери и открыла замок ключом, что дала ей Раиса Семеновна. Очутившись внутри, молодая девушка с блаженством ощутила, как кожи касается охлажденный кондиционером воздух. Влажная ткань ее длинного сарафана тут же затвердела и перестала липнуть к телу.

Когда Кира закрыла за собой дверь и подняла взгляд, неожиданно перед собой она увидела женщину. Кира вздрогнула и тут же рассмеялась – так это же зеркало! Большое прямоугольное зеркало в полный ее рост. Девушка внимательно вгляделась в свое отражение. Давно не представлялось возможности увидеть себя целиком. В поезде – малюсенький замыленный кусочек стеклышка в туалете, в сумочке – круглое зеркальце размером с ладонь.

Высокая, худощавая, с бледной даже голубоватой от близко расположенных вен кожей. Волосы светлые, короткое каре, маленькие изящные уши, длинная шея. В целом Кира себе нравилась. Может быть, только нос длинноват. Мама говорит, нос такой у нее от неуёмного любопытства. Кира улыбнулась себе и стала разуваться.

А на улице тем временем солнце потеряло всякий стыд и раскалило все металлические поверхности и детали. От зеленого искусственного покрытия площадки повеяло характерным запахом жженой резины.

Жильцы засобирались домой. Дети, ведомые родителями, вяло сопротивлялись, но больше для видимости, так как их тоже влекло в спасительную прохладу дома. Только одна рыжеволосая мамаша никак не могла заставить своих детей покинуть детскую площадку. Когда она хватала девчонку лет пяти за руку, мальчик постарше отбегал к горке и с криком «Это последний раз, мамочка!» катился вниз. Пока мать ловила сына, дочка, в свою очередь, кидалась к качелям.

«Нелегко растить детей без окриков и шлепков», – подумала Кира, наблюдая эту сцену с третьего этажа, – «хотя я не припоминаю, чтобы на меня кричала мать или, боже упаси, била. Самым большим наказанием была тишина и отсутствие доверительного общения с ней».

Кира снова посмотрела в окно и увидела, что молодая женщина села в тенечек и уткнулась в телефон, а дети ее продолжали носиться: волосенки мокрые, щеки красные. «Что ж, тоже мудрое решение!», – сказала себе Кира, и пошла в душ.

Ванная была довольно просторной, в светлых тонах. Упругие струи чуть теплой воды придавали бодрость после расслабляющего воздействия жары, и не верилось в этой прохладной комнате, что за окном – пекло.

Кира замоталась в огромное махровое полотенце, которое тетя Рая приготовила для гостей, и босиком пошлепала оглядывать жилище. Мебель, конечно, не новая, но зато всё остальное восхитительно нетронутое ни временем, ни бытом: светлые обои, снежный потолок без единого пятнышка, бежевые дешевенькие жалюзи. Новая квартира, ничего не скажешь! Стены еще не впитали атмосферу чужой жизни, стекла в окнах не видели свидетельств счастья и горя людей. Разве только строителей-работяг, но это были лишь небольшие временные прожегутки, которые не оставили после себя тяжелой ауры.

В новых квартирах нет привидений, конечно, если дом не построен в откровенно гиблом месте: на древнем кладбище или на месте массовых убийств.

Кира вспомнила, как снимала квартирку с двумя девчонками из своей группы. Жильё оказалось по их средствам, а им так хотелось самостоятельности и независимости. С энтузиазмом принялись они драить деревянные полы с облезшей коричневой краской, плитку на стене в кухне, заляпанную желтыми нашлепками жира. До дрожи в руках оттирали ржавчину в ванной.

Одной из подружек родители пожертвовали ковер, которым они с гордостью застелили выскобленные половицы. Пришлось выкинуть много старого хлама, оставшегося от прежних жильцов. Оттащили к мусорным бакам волоком по земле огромный матрас с дивана. Уж больно он был старый и сальный, в каких-то ржавых пятнах. Отнесли кипу потрепанных книг по эзотерике и оккультизму.

Хозяйка квартиры сказала, что жила тут до них тихая пожилая женщина, которая недавно съехала. Но соседи заявили, будто она умерла здесь и совсем недавно.

Дом небольшой, всего два подъезда и два этажа. Поэтому все друг друга знают хорошо. Но такая нестыковка девчат не насторожила. Они были юны и наслаждались жизнью.

Пока девчонки ходили за продуктами, Кира сорвала старые занавески и помыла большие окна. Уже наступал вечер, и девушка пожалела, что так опрометчиво рассталась со шторами. Квартира находилась на первом этаже, в окнах отражалась Кира. Стало как-то жутковато от мысли, что на улице хорошо видно всё происходящее в квартире. А девчонки как назло всё не приходили! Ну, сколько можно торчать в магазине с их скудной стипендией! И дом еще на такой малолюдной улице стоит. Никто не ходит, машины не ездят, только среди деревьев притулился фонарный столб с тусклой лампочкой.

Кажется, что Кира выставлена как на витрине, а сама ничего в окнах не видит, только ночь и свое испуганное лицо. Некстати вспомнилась непонятная история с бывшей жиличкой, померла она тут или все-таки съехала? Почему книжки у нее были такие странные про колдовство и ритуалы, а пятно на матрасе отчего, может это кровь?

Неожиданно и резко раздался стук в дверь, Кира даже вскрикнула. Тихонечко подошла к тонюсенькой входной двери «поду й и свалится»:

– Кто там?

– Мы, открывай!

– Фу, ты, слава богу, девочки!

Кира улыбнулась, вспомнив давнюю историю. Квартиру ту они быстро покинули. Неудобно и долго было добираться до центра, на учебу постоянно опаздывали. Какие же они ещё дети были на первом курсе! Теперь-то через пять лет они повзрослели. Одна подружка замуж вышла и бросила учебу. Другая – уже давно в фирме отца юрисконсульт подрабатывает. А Кира переживала свою первую серьезную любовную историю.

Почти три года они встречались с Владом и собирались уже жить вместе, но неожиданно так случилось, что юноше предложили работу в другом городе. Кира не захотела кардинально менять свою жизнь, а Влад не захотел терять выгодное предложение. Возникли ссоры, непонимание. Обиды копились, и произошел разрыв. Вот уже месяц, как молодые люди не общались. Не так уж и долго, но за это время Кира успела отчаяться, успокоиться и смириться. Она была обидчивой и упрямой. Не очень удачное сочетание.

Долгая дорога и мерный стук колес в поезде еще больше принесли девушке умиротворения. Она в который раз порадовалась своему решению провести лето у тети Раи. Тут всегда солнечно, море рядом, и человек тетя Рая такой, что приятно открыться ей, можно совета спросить.

С матерью Кира не спешила делиться. Мать будет только жалеть и утешать, а Кире хотелось взгляда именно со стороны. Девушка надеялась поучиться мудрому отношению к жизни,

которым обладала тетя Рая. Женщина никогда не лишалась оптимизма, несмотря на своё одиночество. И по всему было ясно, что тетя Рая довольна своим положением.

Квартира у Раисы Семеновны небольшая, зато балкон застекленный и очень уютный. Обычно на балконе хранят слишком много предметов, чтобы почувствовать его частью жилища, а не кладовкой или сараем. Тете Рае удалось сделать из балкона отдельную комнату. Вот тебе и креслице раскладное, при взгляде на который, Кире сразу же захотелось тут спать. На полу плетеный коврик, окна занавешены темными плотными шторами. Здесь прохладно и полумрак даже в разгар дня.

Кира напилась воды из-под крана, разложила кресло и прилегла. За окном слышались голоса строителей, мягко гудел подъемный кран, кругом – стройка. Пустошь, где стояли новые дома, стремительно заполнялась новыми зданиями. Уже и коренные жители города забыли, что раньше здесь было поле, продуваемое со всех сторон ветрами. Только на последних этажах иной раз как зашумит, завоет, начнет распахивать приоткрытые окна воздушная стихия, разозлившись на препятствия, что выстроили тут люди.

И сейчас Кира слушала, как где-то колыхался ветер, и удивлялась, откуда он взялся. Звуки были не резкими и даже убаюкивали. В голове не было ни одной мысли, и это радовало девушку. Так приятно отдалиться только телесной жизни. Ощущать только потребности организма, жар, прохладу, усталость, голод или жажду, и при этом не думать.

Незаметно прошло время, и в какой-то момент в прихожей раздался звонок. Пришла Раиса Семеновна.

– А вот и я! Не разбудила? – женщина сняла удобные босоножки и прошла в ванную помыть руки.

– Да я не спала. Устали?

– Нет, Кирочка, мне грех жаловаться! Если спину прихватит, я и на кушетке могу полежать, – Раиса Семеновна улыбнулась. – У меня борщ есть, давай поедим. Ты даже холодильник не открывала!

– Неохота было, но вот сейчас вы сказали про еду, и я очень захотела есть! Прямо слона бы съела. – Кира почувствовала зверский голод.

– Ну, деточка, слона я тебе пока не сварила, а вот борщ садись и ешь! – Раиса Семеновна быстро накрыла на стол и порезала черный хлеб, помидоры, чеснок.

– М-м-м, ну как же вкусно вы готовите, а я и забыла! – Кира надкусила головку чеснока и зажевала корочкой хлеба.

– Зато я помню о твоей любви к чесноку! – весело заметила Раиса Семеновна. – Как-то мама тебя к стоматологу водила и заставила перед приемом разжевать кофейное зерно, чтобы хоть чуть-чуть запах отбить чесночный, но куда там!

– Жалко, мы с мамой не можем так вкусно готовить, как вы, – Кира быстро орудовала ложкой, – у нас вечно все пригорает, молоко убегает, а в итоге холодильник всегда пустой! Вы – пример хозяйки, почему вы не вышли замуж?

– Не случилось, Кира, – проговорила Раиса Семеновна и посмотрела в окно.

Кира подняла глаза на женщину. Как-то в юности она не задавалась вопросом, отчего тетя Рая никогда не выходила замуж, почему не имела детей. Ничего, кроме собственной персоны Киру всерьез не интересовало. Но сейчас, пережив собственную личную драму, ей захотелось узнать о причинах одиночества Раисы Семеновны. Только вот неожиданно и интуитивно она поняла, что не стоит расспрашивать тетю Раю об этом, по крайней мере, не сегодня.

Ей нравилось наблюдать за ним тихонечко, пока он думает, что один в кабине машиниста. Как он шевелит губами, в сотый раз изучая схемы и инструкции. Ему шла форма, придавала представительности, значимости. И служила для нее хотя бы какой-то гарантией того, что он перестанет потворствовать своим дурным привычкам. Пусть пока он

только помощник, но придет время, когда и ему доверят целиком эту махину. Неужели такая огромная ответственность не заставит его одуматься раз и навсегда! Однако не заставила! С самого рождения он катился по такой тропинке, что вела в пропасть. Азарт был в его крови. И в ее крови тоже. Поэтому они встретились и притянулись друг к другу. Его азарт увел на дно, а ей осталась длинная дорога в одиночку. Только ночью в снах она проживает снова и снова те встречи и мучительные разлуки, которыми наполнилась их жизнь после катастрофы. Вот тогда она опять ощущает бурлящую от азарта кровь в венах. После дня, наполненного ненужным, но неизбежным общением, она закрывает глаза, и проносятся в голове картинки прошлой настоящей жизни.

Вот мать кричит на нее: «Да ты с ума сошла, идти замуж за него ради нескольких дней в году! И где ты эти свои драгоценные денечки проведешь? В комнатке, куда нормальный человек и заходить не захочет!»

Мать орет, почти беснуется, а она не слушает и собирает всё, что может пригодиться ей, всё, что он любит и хотел бы иметь.

А письма! Как гулко начинало биться сердце, когда она видела белеющий конверт в дырочках почтового ящика. Хватала и читала-перечитывала, улыбаясь то почерку, то неумелым комплиментам, а то и стихам.

Сама писала она строго дозированно, по одному ответу на каждое его послание. До последнего она старалась создавать видимость своей независимости от него. Пусть не думает он, что любит она сильнее, чем он. Пусть волнуется и ревнует. У нее столько возможностей завести новые отношения, сколько ему ближайшее время и не снилось!

Пришел вечер и принес с собой тишину. Голоса людей исчезли. Теперь с дороги доносился еле слышный ровный гул машин, как фон начинающейся ночи.

На небо выползли звездочки под предводительством королевы Луны. Кира получила разрешение ночевать на балконе. Тетя Рая разобрала и застелила креслице выглаженным и вкусно пахнущим бельем, взбила подушку и принесла пушистый плед.

Мысленно перебирая события прошедшего дня, Кира глубже и глубже окуналась в сон. А Раиса Семеновна всё ворочалась и никак не могла заснуть. С завистью женщина вслушивалась в мерное дыхание Киры и пыталась свыкнуться с мыслью о том, что в квартире она теперь не единственный жилец. Будильник надо подкрутить, чтобы не разбудил гостью в 7 утра. Не включать, едва проснувшись, телевизор, сделать дубликаты ключей.

Нельзя сказать, что это сильно напрягло Раису Семеновну, но всё же внесло изменения в ее холостяцкую жизнь. Раиса Семеновна всегда жила одна, разве только в студенчестве ей приходилось делить комнату в общежитии с однокурсницей.

У родителей Раиса Семеновна была единственной дочерью. Из родственников после смерти отца с матерью у нее осталась только внучатая племянница, уже взрослая женщина с двумя сыновьями-подростками. Жили они уединенно на ферме километрах в 100 от большого города. Вели свое хозяйство и навещали тетю Раю нечасто.

Конечно, когда мальчики пойдут учиться дальше после школы, как-то даже и сомнений не было в том, что жить они будут у Раисы Семеновны. Тетя Рая не собиралась умирать ближайшее время, но уже давно отписала свое имущество дальней родственнице, о чем та также давно и знала.

Пусть они не видались по полгода, но связь поддерживали и созванивались часто. То мясо, то мед или ещё какие продукты через знакомых высылали Раисе Семеновне регулярно. И тетя Рая всегда знала, случись что со здоровьем, все-таки уже не молодая, Ириша присмотрит за ней обязательно.

Конечно, странно, что такая общительная и легкая на подъем тетя Рая одинока. Всех привлекает, всем помогает, но было в ней что-то, какой-то барьер или невидимая завеса, куда

она вежливо не допускала, и никто не мог проникнуть. Будто существует тайна или секрет, что не дает возможности завести с Раисой Семеновной близкую дружбу, перевести отношения из разряда добрых бесед и болтовни в доверительную связь. Может, эта дистанция была невольной и бессознательной. Хотя только Раиса Семеновна могла дать этому логическое объяснение, если бы захотела.

Ее вполне устраивала та жизнь, что она вела. Она считала такое существование для нее лучшим из всех возможных после того, что произошло в ее молодости. Поэтому она была не готова откровенно ответить Кире на вопрос о своем незамужестве и бездетности.

Тетя Рая за секунду до дребезжания будильника ухитрилась выключить его. В последнее время она часто просыпалась за минуту или две до звонка, будто была связана с механизмом часов какими-то нейронными узами.

Посмотрев на балкон, Раиса Семеновна с теплым чувством увидела там молодую девушку, которая завернулась с головой в одеяло. Видимо, ночью она замерзла на свежем воздухе.

Ну ничего, жара уже наступает. Скоро Кира сбросит с себя и одеяло, и подушку из под головы наверняка на пол спихнет. Волосы густые, голова вспотеет от пуха.

Раиса Семеновна, стараясь не шуметь, начала собираться на работу. Убрала постельное белье в шкаф, сложила раскладной диван. Сразу стало просторно. Налила в кружку растворимого кофе и почувствовала, что оживает вместе с солнечным утром. Кире она решила быстро пожарить сырников, сметана у нее была. Девочке будет, чем позавтракать. Готовить Кира сама всё равно не будет, а у тети Раи нет ни покупных йогуртов, ни готовых сухих завтраков. Для ее пенсии такие перекусы слишком разорительны.

Покончив с едой, Раиса Семеновна заперла дверь и спустилась с третьего этажа на свое рабочее место. Как всегда ее ожидал прохладный холл, блестящая без единого пятнышка стеклянная поверхность дверей ее маленького рабочего кабинета. Раиса Семеновна убрала с окошка табличку со своим номером телефона, потом открыла двери на улицу, выключила кнопки сигнализации и вышла на крыльцо.

Утреннее солнце еще робкое, но уже такое яркое окрашивало искусственное покрытие детской площадки в изумрудные тона. И без того сочные цвета пластиковых горок для ребятишек выглядели так, будто их покрасили полчаса назад. Над уже открывшимися во всем своем великолепии бутонами цветов деловито порхали бабочки и носились шмели. Двор был уже наполовину освобожден от машин. Кому надо, уже давно выехали. А оставшиеся автомобили будут скорее всего так и стоять тут целый день, нагреваясь от палящего солнца.

Не верилось, что вчера здесь резвились малыши, а к вечеру толпились подростки, оставляя после себя упаковки от чипсов, запах молодости и неисчерпаемой беспокойной энергии. Сейчас двор был вылизан, а цветы на клумбах и вдоль асфальтированных дорожек стояли по стойке смирно.

Трудно было переоценить старания Светланы Романовны содержать подконтрольную ей территорию в образцовом порядке. Светлана Романовна грузная средних лет женщина, несмотря на лишний вес, очень подвижная и энергичная. Свои черные тяжелые волосы она всегда убирает в высокую торжественную прическу.

Раиса Семеновна подошла поздороваться:

– Доброе утро, как ваши внуки долетели уже?

– Доброе, дочка звонила, они бедные уже обгореть успели! Наш берег их не устроил, полетели на другой! Ведь море одно и то же! Зачем?

– Чтобы до нашего берега добраться тоже полдня потратишь, а так хотя бы и страну другую посмотрят.

– Все равно не понимаю. Твоя Кира на наш берег приехала, не побоялась полдня тратить!

Раиса Семеновна широко улыбнулась:

– Боюсь, Светочка, она не догадывается, что ее ждет. У меня уже нет сил добираться до моря, здоровья не хватает.

– Автомобильные пробки убивают всю охоту, – словно ставя точку, согласилась Светлана Романовна и побрела к железным воротам.

Ее рабочий день почти завершился. Только к вечеру она придет на полчаса-час освободить урны от мусора да навесить замок на дверь подсобки.

Раиса Семеновна обычно первая из четырех консержек появлялась во дворе. Остальные женщины жили рядом, но в других домах. За полтора года, что заселились эти два дома, консержки давно перезнакомились. Штат почти не менялся, так как зарплата выплачивалась им регулярно, а пенсионеры, кем они все и являлись, вообще, не склонны часто менять место работы. Только в первом подъезде дома, что напротив жилища Раисы Семеновны сейчас не хватало одной консержки. Та, что работала раньше, уволилась в связи с переездом. Поэтому ее сменщицу попросили непрерывно поработать, пока шли поиски новой сотрудницы.

Раиса Семеновна уже увидела своих двух коллег, перекинулась приветствиями, а к первому подъезду так никто и не подходил. Вот вышел жилец-индус с мальчиком лет девяти. Кожа у мужчины смуглая и волосы иссиние-черные, а сын светлокожий вроде, но глаза крупные, будто навывкате выдают индийскую кровь. Потом выпорхнула девица с красными длинными волосами. Раиса Семеновна еще не успела привыкнуть к ее дредам, выкрашенным в зеленый цвет, а тут новая перемена.

Нельзя сказать, что Раиса Семеновна знала всех жильцов поименно, но в лицо-то уж точно. Иной раз в городе идет навстречу кто, а она уже автоматически вспоминает, из какого подъезда, да с какого этажа.

Ну что же, – подумала Раиса Семеновна, – наверное, я пропустила либо сменщицу либо тновую консержку. И только она так подумала, как увидела седовласую невысокую женщину с короткой стрижкой, спешащую от ворот к дому напротив. Жиличку или гостью Раиса Семеновна в ней не узнала и подумала, что это верно и есть новая сотрудница.

Зазвонил мобильный.

– Тетя Рая, доброе утро, вы не заняты?

– Нет Кира, тебя открыть? Я ещё ключи не сделала, пришлось запереть тебя утром.

– Откроете? Хотела отправиться на разведку, город вспомнить.

Кира вызвала лифт, мысленно перебирая в сумке кошелек, телефон и солнцезащитные очки. Не хотелось бы в чужом городе остаться без связи.

Наконец подъехал грузовой лифт. В кабине была вчерашняя рыжая мамаша с девочкой. Девочка старательно вытирала влажными салфетками зеркало, оставляя на нем жирные разводы, а мама держала за руль большой велосипед, обвешанный пакетами. В одном явно угадывался мусор.

Кира посторонилась, чтобы женщина с дочкой вышли, потом придержала им тяжелую дверь в холле. Мамаша поблагодарила Киру и наказав дочке дожидаться брата на детской площадке, скоро порулила к мусорному баку, а потом к выходу, напоминая своей ездой всадника на лошади. А Кира подумала, как все-таки надежно в таком огороженном дворе оставлять одного даже такого малолетнего ребенка.

На площадке детей было немного, в основном, все гуляли с мамами или бабушками. Хотя нет, вон прислонившись к качелям, стоит светло-русый великан-папаша, а вокруг него носится мальчишка лет шести. Вроде Раиса Семеновна про него говорила, что у малыша диабет. Слава богу, с таким заболеванием можно научиться жить. И не скажешь, что парнишка болен. Он энергичен, и кажется на мордашке его написано: «Ух, какой я важный!»

Пока Кира дошла до выхода со двора, она пожалела о слишком большом количестве одежды, что решила одеть. В удушающей жаре явно ни к чему дополнительная кофточка, хоть

легкая и с коротким рукавом. Ни к месту и пусть не длинная, но из плотной ткани юбка. Кира сняла кофту и зачихнула ее в сумочку.

Солнечный свет заливал городские улицы и утомлял глаза. В этих краях без темных очков не обойтись. Навстречу Кире попала женщина, шедшая под зонтиком из светлой ткани. Девушка бы с удовольствием несла над собой огромный пляжный зонт, если бы это было возможно. Тротуар, по которому она шла, был узким, и дорога вдоль пешеходной зоны тоже была рассчитана на одну машину в каждую сторону.

Этот район застраивали домами, но, как водится, рядом ни новых школ, ни больниц, ни широких дорог никто предусматривать пока не собирался.

Через несколько минут Кира дошла до автобусной остановки и присела на лавочку, что стояла в тенике под раскидистой кроной дерева. Девушка решила сесть на любой номер автобуса и выйти на той остановке, что ей приглянется. Именно так ей показалось, стоит начать знакомство с сильно изменившимся городом.

В автобусе было жарко, места свободные имелись, но присев на пару секунд, Кира вскочила с раскаленного сидения и встала в конце салона, облокотившись о поручень, высматривая из окна местечко, где ей бы захотелось пройти.

В какой-то момент они проезжали мимо красивой и величественной церкви, настолько белой от солнечного света, что хотелось зажмуриться. Но Кира предпочла выйти на малопримечательной, зато тенистой аллее со множеством скамеек и небольшим фонтанчиком.

Девушка набрала номер матери:

– Привет, дочка, как погода у вас? Как ты уехала, у нас дожди зарядили! Тоже тоскуют без тебя!

– Мама, а я тоскую по холоду, – засмеялась Кира.

Немного странно было слышать звук родного голоса так четко, словно и не находишься за тридевять земель от отчего дома. Сразу город вокруг перестал быть чужим.

– Не верю! Передавай привет тете Рае.

– Я и сама себе не верю! Передам. Пока.

Кира удобнее устроилась на скамейке и стала наблюдать за прохожими, вспоминая лекции по криминалистике.

Глава 2

Сколько себя помнила Кира, она всегда хотела стать кем-то навроде Шерлока Холмса, мисс Марпл или на худой конец Ниро Вульфом. Она восхищалась ими, перечитала массу книг, пересмотрела десятки фильмов. Нравилась их выдуманная жизнь, где постоянно встречаются преступники и необходимо разгадывать сложные загадки. Киру манили приключения и опасности. Где-то услышанные мрачные истории ее завораживали и притягивали. Сейчас она получала юридическое образование, попутно пытаясь разобраться, бумажная работа следователя или оперативная деятельность сотрудников уголовного розыска будет ответом ее детской мечте.

– Тебя привлекает романтика? Ты хочешь часами сидеть в кустах, выслеживая и выжидая, голодная и холодная? – иронично спрашивала мать, высоко поднимая выщипанные в тонкие полоски брови.

– Мама, ты отстала от жизни, сейчас всё иначе. Есть интернет, кафе, а вот кустов во всем городе и не сыщешь, – смеялась Кира.

Но к словам матери прислушивалась. Если она собирается замуж, то ненормированный рабочий день, какой нередко бывает у оперативников, трудно вписать в жизнь семейной пары. Тем более, что ее молодой человек не имеет никакого отношения к юриспруденции.

Впрочем, сейчас, когда они разошлись, это уже не имеет значения. Кира вглядывалась в прохожих, отмечая про себя черты лица, по которым можно было бы наиболее точно их охарактеризовать. Такое занятие весьма полезно, как объяснял им преподаватель, когда они проходили габитоскопию, технику криминалистики, изучающую внешность человека.

Например, Кира считала, что ее отличительной особенностью является длинноватый тонкий нос, ну и, пожалуй, веснушки. Вспоминая внешность матери, она всегда, в первую очередь, представляла себе ее непокорную и уже тронутую сединой шевелюру. Мелкие, трудно расчесываемые кудряшки постоянно были для ее мамы досадным препятствием к тому, чтобы вовремя выйти из дома.

Преподаватель на лекциях по криминалистике обращал внимание студентов на наличие или отсутствие особых примет у человека: хромота, шрам, заикание, родимое пятно могли с большей долей вероятности точно описать человека. Плохо, когда нет особых примет. Нужно развивать память на лица, выискивать характерные черты.

Чем Кира сейчас и занималась с превеликим удовольствием, удобно откинувшись на спинку скамейки. Про себя она отмечала, что девушки здесь, несмотря на жару любят носить распущенными свои длинные волосы. А молодые люди не прочь разукрасить себя татуировками и продемонстрировать их. Женщины и мужчины повзрослее уже больше тянутся к удобству: мягкие открытые туфли без каблука, короткие стрижки.

Изредка пройдет эксцентрично одетая пожилая женщина с густым макияжем или в обуви на высокой платформе. Но идет она медленно под палящим солнцем, и хочется ее разуть, уложить и дать под язык валидол.

Вдоволь поупражнявшись в криминальной технике, Кира покинула удобную скамейку. Вскоре она почувствовала жажду и отправилась на поиски воды или мороженого. Девушка находилась рядом с центром города. Здесь здания были высокими, величественными, отделанными крупным декором, с колоннами, с витыми балкончиками, куда можно встать только одной ногой, да и то Дюймовочке.

Вокруг много офисов, банков, госучреждений, скрытых за внушительными дверями с позолоченными ручками. На широких улицах раскиданы кафе и ресторанчики со стеклянными перегородками между столами. Они манили прохладой, но отталкивали пафосными вывесками и космическими ценами.

За столиками восседали серьезные элегантные мужчины, в костюмах и белых рубашках, с золотыми часами на запястьях.

Кира заметила на углу улицы небольшой магазинчик со скромным крылечком. Как он здесь приютился, среди высоких и важных зданий, одному богу известно. На входе, когда Кира толкнула дверь, мелодично пропел колокольчик, что вешают на удачу. В торговом зальчике магазина уместилась масса товара. Тут тебе и хлеб с булочками, молочные изделия, пиво, закуски к нему же, и главное – мороженое.

Кира открыла горизонтальную дверцу морозильной камеры, и на нее повеяло сухим холодом. Но с разочарованием она ошупала несколько брикетиков, пошарила рукой внутри холодильника больше для вида, и окончательно убедилась, что все мороженое подтаявшее и мягкое. Такое есть опасно, подумала девушка и переключилась на вертикальный холодильный шкаф, где стояло пиво, газированная, минеральная вода и соки.

Выбрав обыкновенную воду без газа, Кира направилась к кассе. Скучающая молодая женщина пробила чек и зевнула:

– Что там за окном, печет?

– Еще как!

– Хорошо, что в наш магазин кондиционер поставили, теперь можно работать с удовольствием.

– Да... Вам повезло... – хмыкнула девушка и вышла на улицу.

Сомнительное удовольствие, подумала она, проводить полжизни в одном месте.

Наверное, ей, Кире лучше идти в оперативную службу. Пусть у следователя больше перспектив, как постоянно их увещевает преподаватель права, но пока Кира молода, на одном месте ей не сидится, и трудности оперативно-розыскной деятельности ее не пугают.

Пора возвращаться домой к тете Рае.

Как-то резко начало темнеть. Вроде зашла в магазин, было светло, а вышла и уже – закат. Оранжевые тона почти фантастические в своей яркости окрашивали воздух. Прохожие возвращались с работы. Строгие девушки на высоких каблуках спешили вырваться из прохладных мертвых офисов в жаркую, но живую атмосферу вечерних улиц. Тут можно скинуть пиджак, расстегнуть побольше пуговиц на белых рубашках и начать вызванивать подружек, чтобы составить им компанию, и не отпускать подольше волшебство южных сумерек. Теперь время гулять, идти в кино, в кафе и не думать о том, что завтра снова утро, а значит нужно надевать пиджак и включать компьютер.

Кира прекрасно понимала девушек, она подрабатывала в нотариальной конторе какое-то время. Скулы сводило при заполнении журналов о выдаче доверенностей. Глаза отказывались в сотый раз перепроверять даты на документах. Хорошо, коллектив был молодой, и между клиентами в перерывах, сотрудники весело переговаривались и включали музыку погромче. Но работа в душном кабинете трепета у Киры не вызывала, а для нее это было не самым последним критерием в выборе специализации.

Оглядевшись, Кира сообразила, в какой части города находится район тети Раи, и двинулась в его сторону, надеясь встретить по пути автобусную остановку.

Через полчаса девушка уже подходила к железным воротам, что вели во двор. Магнитного ключа у нее не было, поэтому пришлось дожидаться, когда вошел один из жильцов и любезно придержал ей дверь.

– Спасибо, – улыбнулась девушка.

– Да не стоит благодарности, вечно тоже в этих ключах путаюсь. Зачем эта тьма решеток и замков?

– Для безопасности, наверное, чтобы посторонних не было...

– Если посторонний захочет зайти, то зайдет, и никакой домофон не спасет, увы... – мужчина пошел вперед, что-то еще бормоча себе под нос.

Кира подумала, что он прав, и куча предосторожностей не помогают, когда кто-то всерьез замышляет преступление. Навстречу ей от первого здания, который стоял напротив дома Раисы Семеновны, шла пожилая женщина. Седая, с короткой стрижкой, одетая с претензией на элегантность. На шею она повязала шарфик в горошек, а темные очки придерживали челку. Кира на всякий случай с ней поздоровалась, но ответа не получила. Видно женщина ушла глубоко в свои мысли, и ее тусклые глаза посмотрели словно сквозь Киру, а тонкие подкрашенные губы не пошевелились.

Симпатичные фонарики, расставленные густо по всему периметру детской площадки, освещали двор. Малышня без усталости носилась, топчась искусственное резиновое покрытие. На одной из скамеек Кира узнала тетю Раю и пошла к ней.

Та сидела будто председатель какого-то собрания или царица в окружении придворных. Рядом с ней притулилась тихая старушка, склонившаяся над вязанием. И выглядело это так, будто старушка – секретарь Раисы Семеновны, а в данный момент она старательно стенографирует речь важного докладчика.

Раиса Семеновна просила рыжеволосую мамашу не оставлять велосипед во дворе без присмотра. Молодая женщина вроде и слушала, что говорит консержка, и в то же время глаза ее направлены были на детей, среди которых, по всей вероятности, были ее сын с дочкой.

– Раиса Семеновна, посмотрите за Лёшей? Я на минутку к мужу подойду, – попросила консержку еще одна девушка.

– Конечно, Людочка, не волнуйся, иди, – тетя Рая протянула малышу лет двух одуванчик с белой шапкой и велела подуть.

Людмила очень худенькая почти изможденная, с большими голубыми глазами быстро пошла к подъезду. Там стоял молодой человек, видно ее муж. Они о чем-то поговорили, при этом мужчина резко жестикулировал, а девушка, втянув голову в плечи, стояла напротив него спиной к площадке. Кира перехватила взгляд, которым обменялись тетя Рая со старушкой на скамейке. Казалось, они знают, о чем говорит молодая пара.

Девушка, опустив голову, возвращалась к своему малышу, и ее глаза, казалось, стали еще огромнее.

– В прошлом году Людочка уезжала с сыном к родителям, вроде как на море, но поговаривают, что она руку в квартире умудрилась сломать. Упала, наверное, или уронил ее кто... – проговорила старушка, хищно вглядываясь в лицо Киры.

Сплетница, подумала Кира, а тетя Рая прошептала одними губами «не обращай внимания». Кира улыбнулась ей и попросила ключ, чтобы подняться наверх. Когда она поднималась по ступенькам крыльца, то увидела мужа Людмилы.

– Привет, ты дочка нашей консержки? – грубовато произнес парень, показывая крупные желтоватые зубы.

– Здравствуйте, нет не дочка, – Кира устала и ей не хотелось ни с кем болтать.

– Ты смотри, если кто обидит, обращайся, – произнес парень, заглядывая ей в лицо.

– Спасибо вам, – подчеркивая слово «вам», ответила Кира и захлопнула дверь у него перед носом.

Неприятный молодой человек, подумала она, нажимая кнопку вызова лифта. Цифры табло над металлическими дверями лифта показывали, что он спускается с 9 этажа.

Поскорее бы, думала Кира, не хочется ехать с мужем Людмилы в одной кабинке. У того слишком неприятные манеры, грубое и хамоватое поведение. Наконец, женский автоматический голос пропел «первый этаж». Двери открылись, и Кира, шмыгнув в кабину, быстро нажала цифру «3», а затем кнопку «закрыть двери». Когда они сомкнулись, Кира облегченно перевела дух. Лифт плавно начал своё движение наверх, вот он проехал первый этаж, второй. Кира смотрела на меняющиеся цифры табло вверху кабинки. А потом цифра уже не менялась, и лифт прекратил подъем, остановившись между вторым и третьим этажом.

Кира сначала была спокойна. Нажала на кнопку с изображением колокольчика для связи с лифтером, прочитала на ламинированной табличке номер телефона, куда звонить, если застрял лифт, и достала мобильный из сумочки. Без особого удивления на экране телефона не увидела ни одной палочки антенны. У нее всегда в лифте прекращал работать мобильный. Влад даже что-то объяснял ей про это, вроде как-то экранируется сигнал телефонного аппарата, она не поняла тогда.

Спокойствие девушку покинуло, когда свет в кабине погас. Стало жутко. Кира зажмурилась, чтобы открыв глаза, казалось уже не так темно. Разницы она не увидела. Девушка знала, что в лифте она одна, но темнота держала в напряжении. Кире показалось, что кто-то коснулся ее руки, потом почудились какие-то шорохи или поток воздуха. Будто что-то пронеслось близко от лица. Было ощущение, что ее заживо похоронили. Тогда девушка начала кричать:

– На помощь! Помогите! Я застряла!

Стучать по двери или стенам кабинки она не решалась. Не дай бог, лифт шататься начнет. Сколько Кира провела в темном лифте, она не знала. Казалось, целую вечность. Она села на пол и стала ждать. Может, войдет кто в подъезд, ведь не так ещё поздно, чтобы дом уснул. В конце концов, Раиса Семеновна хватится ее. Когда уже она вернется со двора! Кира устала и проголодалась.

Внезапно с хлопком свет в лифте включился, а потом с тихим шелестом тронулся. Остановился на третьем этаже, и как ни в чем не бывало, будто издеваясь, автоматический женский голос назвал номер этажа, двери раскрылись, и Кира вышла из лифта.

Девушка испытала огромное облегчение, будто вырвалась из плена, но в душе поселилось какое-то дурное предчувствие, тревожное беспокойство. Всё вокруг предвещало беду. Темнота за окном, тени от предметов, тишина в подъезде.

Кира зашла в квартиру и сразу направилась в душ. Вода смывала с нее усталость прошедшего дня, пыль городских улиц и неприятные воспоминания.

Когда она вышла из ванной комнаты, оказалось, что хозяйка квартиры уже вернулась и хлопотала на кухне. Шкворчание, шипение и аромат приготовляемой пищи поманили Киру в кухню.

– Тетя Рая, вы себе даже не представляете, что со мной приключилось! – девушка налила себе воды и жадно его осушила.

– Что такое, детка?

– Я сидела в лифте. Он застрял!

– О боже! Перепугалась? В первом подъезде было дело – ломался лифт, но у нас ещё ни разу! Это ты про пассажирский или грузовой говоришь?

– Пассажирский! Я теперь по лестнице подниматься буду! У меня, как оказалось, клаустрофобия! – Кира раскраснелась, вспомнив свое бессилие в лифте, неработающий телефон и смутное ощущение опасности.

– Завтра я вызову ремонтников. Ты не волнуйся... Садись, поешь.

Раиса Семеновна погладила Киру по плечу, заглянула в глаза:

– Ты совсем расстроилась. Устала. Может, что-то еще случилось?

– Да вроде нет. Я, действительно, что-то неожиданно расклеилась, наверное, это акклиматизация. И я все-таки недавно рассталась со своим молодым человеком, может еще это. Не знаю, – Кира потерла руками лицо, откусила кусочек хлеба и принялась за салат.

Помидоры изумительно пахли, огурцы хрустели, веточки укропа были упругими и чуть колкими на языке.

– Тетя Рая, вы никогда не хотели замуж?

– Почему же, хотела, – Раиса Семеновна улыбнулась, но глаза стали грустными.

– А он не хотел?

– Он даже не знал, наверное... Может, догадывался.

– Вы что же, даже не открылись ему?

– Нет, не было смысла.

– Но почему? А после него никого так и не встретили? А как же дети? Вы их не хотели? – Кира понимала, что зашла в своих вопросах слишком далеко, и разговор все больше походил на допрос. Только она не могла удержаться. Видимо, от стресса в лифте она окончательно не оправилась, вот и вела себя с несвойственной ей несдержанностью.

– Я чувствовала себя недостойной иметь семью, рожать детей, а потом уже стало поздно мне заводить потомство.

– Недостойной? Какое странное слово... – Кира попыталась поддержать разговор, чтобы тетя Рая продолжила, но она молчала.

Тишина на кухне прерывалась только приглушенными звуками сверху над ними. Соседи громко разговаривали, слышался топот мелких ножек, шум телевизора. Кира выразительно посмотрела на потолок, в центре которой висела симпатичная крохотная люстра.

– Это мои соседи, – облегченно переводя дух от того, что сменилась тема беседы, ответила тетя Рая на произнесенный вопрос. – Ты видела, это та рыжеволосая молодая женщина со двора, у нее двое детей еще.

– Вот они крикливые!

– Слава богу, на кухне только слышно, – Раиса Семеновна принялась убирать со стола.

Кира тоже вскочила, стала помогать. После того, как тетя Рая назвала себя почему-то недостойной для семьи, Кире показалось необходимым проявить к женщине доброту и ласку. Внезапно она напредила ей мать. Кира ощутила тоску по своему городу, по близким, по Владу. Она обняла пожилую женщину:

– Как я рада, что приехала к вам! Мне у вас так уютно.

– Ну-ну, не подлизывайся, – тетя Рая улыбнулась, – я не возражаю, если ты будешь спать на балконе.

Недосказанность слов больше не давила на женщин, и они отправились в комнату смотреть телевизор.

Сто процентов, что это была она! Столько лет прошло, а она почти не изменилась! Такая же лёгкая и светлая! Будто и не испытывает в жизни никаких трудностей! А скорее всего и не испытывает. Не мучают ее воспоминания, не волнуют угрызения совести. Она была тогда уверена в своей правоте! Откуда ей знать, что с ним случилось? Откуда ей знать, что с ней случилось? Сколько ей пришлось пережить? Нет, она не жалуется на это. Ей даже нравилось ездить к нему, переговариваться сначала по телефону. А потом, о чудо, они целых три дня были в той комнате, вдвоем, одни в целом мире!

С какой радостью и волнением она проходила все эти процедуры, которые проводили такие серьезные, строгие мужчины. И какое горе и опустошение было в ее душе, когда она уезжала. Мужчины те уже не были просто строгими, они становились безжалостными, в глазах ни капли сочувствия. Только осуждение и холодное любопытство, будто она собака или подопытная мышь.

Она бы вернула те дни, если бы только могла. Опять и опять она бы смотрела в его лицо, кидалась к нему, впитывала его запах, чтобы не забыть и увести с собой.

Он был груб чаще, но зато, когда ласков, то это еще сильнее ценилось ею. Такие моменты она хранила в памяти, перебирала, не хотела забывать.

Когда она сегодня увидела ее, сердце на секунду остановилось, а потом бешено продолжило свою работу, даже грудь будто заболела от злости.

Утром Киру разбудил лучик солнца, вольготно путешествующий по ее лицу. Солнечный посланник погладил ее веки, всегда приподнятые в удивлении брови, скользнул по впалым

щекам, чуть задержался на длинноватом носу, кончик которого, по словам Влада, временами просто шевелился от любопытства, и коснулся поцелуем полных губ.

Именно вопреки своему любопытству Кира не стала тогда выспрашивать Влада, куда это он вдруг стал пропадать, что это за документы он готовит. Кира старалась не давить на молодого человека. А Влад, вот чудак, готовил ей сюрприз, думал, что она обрадуется переезду в другой город. Надеялся, что невеста поедет за ним.

Кира разозлилась на то, что даже за тридевять земель Влад вторгся в ее мысли, в ее блаженное расслабленное утро! Откинув тонкую простыню, которой она ночью укрывалась, девушка решила вставать.

Кира потянулась, сделала парочку приседаний и махов руками больше для самоуспокоения, что она не забывает о физической форме, чем для реальной пользы. Повернула регулятор жалюзи, чтобы без помех посмотреть в окно.

На улице яркое солнце, прекрасный летний день. Интересно, в этих краях бывает неудачная погода, подумала Кира.

По дорожке, что расположилась вдоль огороженного забором футбольного поля медленно, опираясь на костыль шел мужчина. Рядом с ним двигалась женщина. Наверное, жена, решила Кира. Они были одного возраста, лет по пятьдесят с хвостиком. Женщина – крепкая на вид, энергичная, одной рукой она поддерживала мужа под руку, а другой катила сумку на колёсиках. На повороте они расстались. Мужчина продолжил свой путь вокруг футбольного поля, а женщина поспешила к выходу со двора.

Запах кофе прервал наблюдения Киры.

– Тетя Рая, вы еще не ушли? – девушка направилась в кухню.

– Разбудила? – Раиса Семеновна достала из шкафа вторую чашку.

– Нет, наверное, просто выпалась... – Кира неожиданно широко зевнула и тут же рассмеялась. – Тяжело хандрить, когда солнце светит.

– Это верно! Вроде иной раз бывает скверно на душе, а потом посмотришь в окошко и, как рукой! Птицы поют, бабочки летают, вот она жизнь! И другой не будет!

– Вы оптимистка! А я сейчас инвалида на прогулке видела. Бедный, без опоры тяжело ему ходить.

– Это с первого этажа. Они специально внизу квартиру купили, чтобы с лифтами не связываться.

– А что с ним?

– После инсульта. Тамара, жена его, говорит, он большой начальник был до болезни. А теперь капризничает от беспомощности. Его частично парализовало. Она его выхаживает.

– Да я видела ее. С сумкой большой со двора вышла.

– Сегодня выходной. Тамара на ярмарку пошла. Может и тебе сходить? – Раиса Семеновна допила свой кофе и встала, собираясь уходить.

– Я думаю, мне пора на море! Расскажите-ка, как бедной студентке туда добраться. – Кира приготовилась слушать.

– Дело это тяжелое, сразу тебя предупреждаю. Лет пять назад, – Раиса Семеновна снова села за стол, – когда вы с мамой последний раз сюда приезжали, дорога на море была гораздо свободнее. Час на обычном автобусе, и вы у цели.

– Я понимаю, пробки... Ну часа за два хоть доберусь? – Кира с надеждой смотрела на тетю Раю.

– Кирочка, рассчитывай на три часа. И поезжай не сегодня, а в будни, и не на обычном городском автобусе, а на том, что едет напрямик на море. Он собирает сразу много человек рано утром и везет всех и туда, и обратно.

– М-м-м, ну, тогда сегодня я, правда, пойду на ярмарку. Может, что-то надо купить из продуктов? Вы скажите...

– Кира, дорогая, да все есть, я даже не знаю, – Раиса Семеновна замялась, – ты посмотри, может, что приглянется тебе, там бывает неплохие вещи из льна привозят, сарафаны, платья, пляжные шляпы... Просто прогуляйся. Я бы пошла с тобой, но выходной у меня – завтра.

– Тогда, тетя Рая, я завтра приглашаю вас в кафе, на мороженое! А сегодня присмотрю достойное заведение в городе! – Кире хотелось порадовать тетю Раю.

– Ты меня балуешь, деточка моя, – Раиса Семеновна подмигнула Кире, и лицо женщины на миг стало, как у озорного подростка.

Сегодня она опять видела этого хромого мужчину. Несмотря на свою медленную походку и явные ощущения телесного дискомфорта, а может быть, и боли, тот упрямо продолжал свой путь. Он обошел футбольное поле три раза! А потом ещё пошел на тренажеры, чтобы крутить одной рукой колесо. Инвалид заслуживал уважение своими действиями. Но один бог, наверное, знает, что приходится терпеть его жене.

У мужчины угрюмое и недовольное выражение лица. Он с утра успел отчитать мальчишек, что гоняли в футбол. Пока жара не замедлился их движения, ребята старались набегаться вдоволь, позабывать голы, покричать на бедолагу в воротах.

Инвалид предупредил, что следующий мяч, вылетевший сверху из-за высокого забора, он лично порежет. Услышав это, ее охватила жалость к мужчине. Сам-то он, конечно, понимает, что нет у него возможности не только поймать мяч, но тем более испортить его...

Она, вообще, жалела мужчин. Как когда-то давно, в другой жизни, одного из них так любила и соперничала, что чувствовала на расстоянии, когда тому плохо, холодно или тоскливо. Раскаялся ли он тогда? Жалел ли о чем? Только она точно знала, что нет.

Кира придирчиво рассмотрела содержимое своего чемодана. Лишними были куртка, пиджак, ветровка, кроссовки, джинсы, джемпер – половина чемодана. Хоть отправляй назад бандеролью.

Зато есть повод потратиться и купить что-то, действительно, летнее, для этой погоды, невесомое. Кира стала собираться на ярмарку. В лифт она решила не садиться. Пешком спустилась по лестнице. В холле на первом этаже увидела, как сдвинув очки на лоб и высунув кончик языка, тетя Рая заполняет в своей конторке какой то толстый журнал. Кира улыбнулась.

– Вы летопись подъезда ведете? Кто когда вышел, с кем, в чем одет?

– Вот ты смеешься, а так оно почти и есть! Сейчас и тебя отмечу!

– А и пожалуйста! Я не против, – Кира уже хохотала. Настроение у нее было приподнятое, о вчерашнем своем ожидании помощи в лифте она уже забыла.

– Ходят тут! Хихикают! Работать мешают, – наигранно ворчливо проговорила Раиса Семеновна.

Выйдя на крыльцо, Кира увидела удаляющуюся фигурку рыжей девушки на велосипеде. Она ехала быстро, но Кира поняла, что это их соседка сверху. Снова куда-то отправилась.

Мальчишек на поле уже не было. Инвалид тоже скрылся.

Людмила с малышом в тенечке рисовала на асфальте мелком. Кира подошла поздороваться и увидела изображение то ли зубастого волка, то ли собаки.

– Хорошо рисуете, вы не художница?

– Нет, я дизайнер, – тень улыбки промелькнула на лице Людмилы, – дизайнер по шторам... В декрете, сами видите.

– Тяжело дома сидеть? Скучно? – Кира сочувственно взглянула на молодую женщину.

– Скучно? Временами, – Людмила казалось, хотела сказать много, но говорила односложно, сдержанно.

Конечно, видит меня второй раз в жизни, подумала Кира, какие уж тут откровения. Девушка пошла к железным воротам, ощущая взгляд в спину. Ей хотелось поежиться от него,

обернуться, удостовериться, что это всего лишь Людмила. Но она заставила себя спокойно дойти до выхода со двора, не показывая своего любопытства.

До ярмарки идти было недалеко. Через несколько минут она увидела скопление людей, синие палатки, грузовички с товаром. Над всем этим стоял шум разговоров, продавцы с покупателями весело торговались, отпускали шуточки. Царила веселая суета, так непохожая на атмосферу в супермаркете, когда ты чинно прогуливаешься с тележкой вдоль бесчисленных полок. А за кассой томная девушка чуть не бросает тебе с движущейся ленты твои покупки, ничуть не заинтересованная в их продаже.

Здесь, на ярмарке тебе завернут, подадут, донесут. Лишь бы ты купил. Торгуют то своим, кровным. Своя зелень, овощи, мясо. А вон в сторонке Кира и одежду увидела, пошла к ней.

Ей приглянулся легкий сарафан на тонких бретельках. Она слегка засомневалась в том, что такие хрупкие бретельки не оборвутся, поддерживая ее лиф. Кира была худой, однако грудью обладала весьма крупной, особенно выдающейся на фоне общей стройности. Но продавщица, бойкая женщина лет сорока убедила Киру, что сарафан отличный, надо брать!

Приятно возбуждения покупкой, Кира уже собиралась покинуть ярмарку. В какой-то момент ее увлек поток людей, и она очутилась в мясных рядах. Чьих туш здесь только не было: кролики, гуси, индюки, свиные головы, молочные поросята.

Как человеку городскому, редко посещающему рынки, Кире всегда было не по себе, когда она видела мертвых животных, бесчувственно выставленных на продажу. Кира не сыроед, не веган, и сама понимала свое двуличие, однако всякий раз, увидев тушку, ее корбило. А если еще у этой тушки были сохранены глаза, то девушка пыталась скорее покинуть торговое место.

В этот раз Кира не успела отвести взгляд от мертвых глаз какой-то птицы, и их вид преследовал ее все то время, что она выбиралась с ярмарки. У птицы такой обреченный вид, какой совсем недавно она видела у кого-то другого. Вспомнилась Людмила...

Кира не была слишком чувствительной. Когда на практике они ходили в морг, то бравовировали своей толстокожестью. Хорошим тоном и поводом для зависти однокурсников считалось отправиться после занятий в кафе и спокойно предаться чревоугодничеству. Кире всегда удавалось отвлечься в такие моменты и суметь насладиться едой. Но скопление мертвых животных на рынке вызывало реакцию отторжения, запах смерти щекотал ноздри. Радость от покупки сарафана испарилась, как капелька росы жарким утром.

Кира выбрала кафе, где работал кондиционер, и можно было в витринах выбрать пирожные. Стулья со столами были и классические, и высокие, как для барной стойки. Кира села на высокий стул, а на узенький стол поставила свой заказ: кофе и шоколадное мороженое в вазочке.

С аппетитом быстро управившись с едой, девушка поняла обманчивость воздействия прохладного воздуха кофейни. Хотелось взять ещё парочку пирожных, залить все сверху густым кофе. Но вспомнив жару, что с остервенением наяривала снаружи, Кире удалось удержаться от излишеств. С полным желудком на улице придется туго, слишком тяжело нести себя по размягченному асфальту.

Расплатившись, но продолжая сидеть в прохладном зале, Кира почувствовала вибрацию своего телефона.

«Привет».

Кира разом покрылась ледяной испариной. Влад! После месяца молчания. Поток мыслей, слов, эмоций закрутился в голове от одного этого слова. Да что же это со мной! Кира удалила сообщение, нервно проводя по экрану телефона. Аппарат, как будто инструмент чужой злой воли не сразу послушался. Сначала он сделал крупный шрифт, и это бестолковое слово «привет» бросилось в глаза, а затем подвис, не понимая воли хозяйки: удалить или переслать?

Девушка хотела бросить аппарат на каменный пол, но любопытство: а будет ли еще сообщение, да и стоимость телефона удержали ее.

Кира покинула кафе, и медленно пошла по раскаленной улице к дому. Пора ехать на море! Внутри неё всё дрожало от волнения, от возмущения и от тоски. Влад был не просто ее любимым, он был ее другом, ее самым близким другом после мамы. Она нелегко сходилась с людьми. Круг ее общения был узким, но проверенным годами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.